

УДК 94(470) «18/19»

Э.Р. Кадиков

СИБИРСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА (ЛЕТО – ОСЕНЬ 1907 г.): БОЙКОТ ИЛИ УЧАСТИЕ?

Рассматривается реакция Партии социалистов-революционеров и ее сибирских организаций на роспуск II Государственной думы и издание нового избирательного закона 3 июня 1907 г. Исследуется отношение местных неонародников к III Думе. Особое внимание при этом уделено разногласиям внутри эсеровского подполья по стоявшему на повестке дня вопросу о том, следует ли участвовать в выборах, а также доводам сторонников пассивного бойкота. Исследование выполнено на основе архивных документов, прежде всего источников личного происхождения.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, эсеры, Дума, Сибирь.

Роспуск II Думы и обнародование нового закона, существенно сократившего число избирателей, вызвали оживление в рядах Партии социалистов-революционеров (ПСР) и спровоцировали бурную дискуссию о линии поведения относительно будущей Думы. Однако еще задолго до 3 июня 1907 г. многим участникам и наблюдателям общественно-политической жизни в России стало понятно, что Вторая Государственная дума с большой долей вероятности повторит судьбу Первой. Потому в революционных кругах активно обсуждались возможные ответные действия. Социалисты-революционеры, в частности, в случае роспуска парламента всерьез рассматривали вероятность перехода к открытому вооруженному восстанию. Многие из них восприняли «третьеиюньский переворот» не как окончание революции, а как очередную атаку власти на ее завоевания, вследствие чего настроены были решительно и готовились дать серьезный бой самодержавию. В Сибири прокламации по поводу разгона Думы, призывавшие к борьбе с самодержавием, были изданы в июне 1907 г. эсерами Тобольска, Омска, Томска, Красноярска, Енисейска, Иркутска, Читы [1. С. 42, 45].

В разных местах империи неонародниками были предприняты попытки поднять восстание. Так, в Красноярске местный комитет ПСР, имевший влияние в некоторых воинских частях, в том числе артиллерийских, принял решение о вооруженном выступлении. Рассчитывая на поддержку значительной части солдат гарнизона, эсеры намеревались захватить город и, оставив прикрытие на случай подхода правительственных войск с востока, двинуться на Москву с надеждой на присоединение к революционным силам гарнизонов попутных населенных пунктов. За помощью неонародники обратились к социал-демократам, однако те ответили отказом. Тем не менее в ночь на

8 июня 1907 г. вооруженные группы во главе с социалистом-революционером поручиком П.И. Масловым попытались захватить гарнизонную гауптвахту и освободить арестованных по политическим мотивам военнослужащих. Однако нападение было отражено, в том числе и солдатами, связанными с военно-революционным союзом; эсеры потеряли 5 человек убитыми и много ранеными. Последовавшие за акцией аресты привели к разгрому Красноярской организации ПСР, сам же П.И. Маслов в скором времени был казнен [2. С. 243–244; 3. С. 86–87; 4. С. 294; 5. С. 162].

Аналогичные настроения и стремления наблюдались в других городах Сибири. 10 июня 1907 г. на окраине Омска собрались социалисты-революционеры, социал-демократы, анархисты и беспартийные левые для обсуждения вопроса о возможном восстании в городе. В собрании, продолжавшемся 6 суток, приняли также участие группы солдат из нескольких воинских частей и казаки. Эсеры и анархисты, поддерживавшие связь с Екатеринбургом и Томском, где левые решали тот же вопрос, выступали за немедленное вооруженное восстание. Начало его было запланировано на 23 июня, но дважды переносилось, пока не было отменено. В срыве выступления важнейшую роль сыграли социал-демократы, находившие восстание неподготовленным. Будучи сначала в меньшинстве, они все же сумели расстроить решающее заседание и даже выпустили листовку против восстания [6. Л. 174–175; 5. С. 161–162]. Однако местные социалисты-революционеры не теряли надежды поднять военнослужащих на борьбу с самодержавием и всеми способами стремились усилить пропагандистскую работу в их среде. В частности, членами Омского военно-революционного союза летом – осенью 1907 г. был организован выпуск двух номеров газеты для солдат «Солнышко», в одном из которых

подчеркивалось, что главная цель объединения состоит в сплочении солдат для «устройства вооруженного восстания» [7. С. 105; 8. С. 43]

По свидетельству начальника Иркутского охранного отделения ротмистра М.Л. Гаврилова, «с получением в Иркутске сведений о роспуске членов Государственной Думы второго созыва деятельность местных революционных организаций заметно усилилась, причем главное внимание руководителей их было обращено на рабочие массы, в том числе и на железнодорожных рабочих» [9. Л. 115об.]. Особый акцент жандарм сделал на решимости революционных лидеров воспользоваться наступившим моментом как более удобным для возбуждения масс и их намерении «начать широкую агитацию среди населения и рабочих за подготовку к вооруженному восстанию, как единственному, по их мнению, средству для изменения существующего в России Государственного строя» [9. Л. 116]. Серьезность замыслов местных эсеров вскоре подтвердилась появлением в обращении посвященной роспуску II Думы прокламации под заглавием «К гражданам» (издания Иркутского комитета ПСР от 9 июня 1907 г.) [9. Л. 116, 128]. Кроме того, 14 июня за Ангарой, на одном из прилегающих к пригороду Иркутска Порт-Артуру островов, состоялось собрание железнодорожных рабочих, на котором социалист-революционер Х.Ш. Либман призывал местных рабочих поддержать «уже готовое начаться в Европейской России восстание товарищей рабочих, пользующихся... наступившим бессилием Правительства и полною готовностью войск прийти на помощь народу по его зову». Всем желающим, по данным полиции, было предложено записаться в боевую дружину, в функции которой входила «защита товарищей в необходимых случаях», а также уничтожение «вредных для движения лиц» [9. Л. 128об.].

В шифрованной телеграмме на имя Департамента полиции все тот же М.Л. Гаврилов доносил, что 4-й батальон 26-го полка Восточно-Сибирского стрелкового полка выразил согласие 1 июля 1907 г., во время вступления в городские караулы, поддержать намерение инженерных войск по примеру Красноярска силой освободить политических заключенных в главной гауптвахте и тюрьме. Среди инженерных войск, по сведениям ротмистра, существовали самостоятельные внутренние организации ПСР и РСДРП, ведущие, помимо прочего, усиленную агитацию и в других воинских частях [10. Л. 100, 105]. Тем не менее намерения, да и сами поползновения неонародников активизировать направленные на возбуждение

масс действия и поднять вооруженное восстание особой опасности для правительства не представляли, потому жандармский генерал-майор А.И. Спиридович мог не без основания констатировать, что ПСР, «несмотря на всю свою предварительную агитацию и угрозы, касающиеся роспуска Думы, по совершению его особенно активных действий не проявила» [11. С. 355].

В условиях отсутствия в российском обществе понимания и поддержки эсеровского курса на вооруженное восстание гораздо важнее для ПСР была проблема выстраивания линии поведения в отношении будущей Думы и прежде всего выборов в нее. Вопрос о том, следует ли участвовать в выборах, стоял на повестке дня повсеместно и очень быстро выявил существенные разногласия внутри неонароднической партии. Одни призывали бойкотировать выборы и саму Думу, другие считали возможным принять участие в процессе. Весьма любопытно приведенное в книге К.Н. Морозова обращение 14 эсеров, находившихся в Бутырской тюрьме, к III Совету партии. Требуя вынести решение данного вопроса на обсуждение всех членов партии по организациям, а результаты представить III съезду ПСР, они заявляли: «Но для ПСР вопрос о выборах или бойкоте на этот раз является серьезным испытанием ее прочности: два тактических течения, определившиеся в партии, — здесь неизбежно столкнутся с особой энергией». Раздававшиеся на местах голоса о необходимости принять участие в выборах заставили ЦК ПСР на заседании 10 июня 1907 г. в резолюции «О бойкоте III Думы» использовать весьма сдержанную формулировку: «Партия не выставляет партийных кандидатов» [Цит. по: 4. С. 281].

Не остались в стороне от отмеченной печатью злободневности полемики и социалист-революционеры Сибири. Так, в Красноярске для обсуждения вопроса, участвовать или нет в выборах в Государственную думу, местными эсерами была созвана городская конференция. Согласно предназначенному для ЦК ПСР отчету, в ходе дискуссии наметилось два течения: бойкотистское и антибойкотистское. Бойкотисты полагали, что с появлением нового избирательного закона права рабочих оказались урезанными до минимума. Участие же в Думе депутатов социалистических партий никак не улучшало положения дел, не способствовало развитию народных масс и не революционизировало их. По мнению сторонников бойкота, депутаты-социалисты стояли на ложном пути, ибо им в любой ситуации, даже самой неблагоприятной с точки зрения обеспечения демократических свобод, пришлось бы подчиняться

«парламентским законам», т.е. не выходить за рамки дозволенного. Кроме того, бойкотисты высказывали опасения, что если социалистические партии, и ПСР в частности, приняли бы участие в выборах, то они, ввиду нового избирательного закона, могли бы оказаться в ничтожном меньшинстве, вследствие чего положение их в Думе стало бы более чем ужасным. В свою очередь, антибойкотисты, анализируя упомянутый закон, доказывали, что, несмотря на все препятствия, социалистам удастся провести в Думу своих депутатов и поэтому вполне можно рассчитывать при дружной работе всей оппозиции на 140–160 мест. В конечном итоге при баллотировке большинством в один голос социалисты-революционеры Красноярска высказались за участие в выборах в III Думу [12. Л. 117–117об.].

Перевес в один голос фактически свидетельствовал о паритете между сторонниками и противниками бойкота в эсеровской среде Красноярска. Причем позиции первых в ПСР во многом колебались вследствие имевшихся серьезных разногласий относительно степени самого бойкота. Одни социалисты-революционеры выступали за активный бойкот, другие – за пассивный. Наиболее аргументированно и обоснованно из сибирских эсеров точку зрения противников активного бойкота выразил, на наш взгляд, в письме к А. Шерлаимовой от 1 июля 1907 г. содержащийся в Александровской центральной каторжной тюрьме член Иркутской организации ПСР Е.М. Тимофеев. В 1906 г. он был арестован в связи с убийством помощника директора Путиловского завода и приговорен (за сокрытие убийцы) к 10 годам каторжных работ. Впоследствии, в 1910 г., был вновь приговорен к 10 годам каторги за руководство из тюрьмы Иркутской организацией ПСР [13].

На основании знакомства с основными чертами сложившейся в общественно-политической жизни страны ситуации и имея также некоторое «понятие о партийных силах», Е.М. Тимофеев отрицательно относился к проповеди активного бойкота: «Бойкот – да, согласен, но отнюдь не активный». Последняя форма выступления, по мнению социалиста-революционера, не годилась, поскольку, во-первых, неизбежно была бы направлена не по адресу, во-вторых, как таковая не удалась бы, в-третьих, растратила бы и распылила силы ПСР прежде времени и, таким образом, снова отодвинула бы «решительный момент битвы» [14. Л. 101об.]. Неонародник пребывал в твердом убеждении, что, бойкотируя выборы, эсеры неизбежно выступят против избирателей и тем самым станут бороться против крестьян, поскольку тем-

ные массы крестьянства «пойдут к избирательным урнам» и «станут выбирать». В то же время, допуская в заочном споре с А. Шерлаимовой обратное, Е.М. Тимофеев оставался на своей прежней позиции: «Ты скажешь, что крестьянство выбирать не станет, что оно уже настолько сознательно, что не пойдет на удочку «минимума представительства». Допустим, что это так. Тогда я спрашиваю: если крестьянство в думу не пойдет – то зачем же ее бойкотировать активно? Если мы поставим своею целью не дать собраться делегатам от distinguished русского дворянства, то тогда бы нам следовало разогнать происходящий теперь съезд в Москве, тем более что Правительство выдвинуло его как противовес крамольной Думе» [14. Л. 101об.–102].

Е.М. Тимофеев являлся противником активного бойкота III Думы прежде всего в силу уверенности в неготовности русского народа к данной мере. «Если наши народные массы, – размышлял автор письма, – настолько дисциплинированы, что выдержат активный бойкот и пойдут в большинстве за лозунгом партии, то почему же они не могут пойти за другими, более сильными и более экономными лозунгами, например: «ни копейки денег, ни одного солдата», или «мы не признаем и не повинемся законам, изданным без истинных народных представителей» [14. Л. 101об.–102]. Отсюда следовал вывод: «Если народ действительно готов к активному бойкоту, то этот бойкот нужно применить не к Думе, а к другому более важному, т.е. прямо к самодержавию во всех или в главнейших его проявлениях». Однако проблема заключалась в том, что «народ incogroge, или хоть в большинстве займет сочувственную позицию» по отношению к III Думе. В этом Е.М. Тимофеев несколько не сомневался, вследствие чего не уставал обращать внимание своих оппонентов, «насколько невыгодно идти против хотя и темной, но все-таки народной воли» [14. Л. 102].

Рассматривая тактику активного бойкота преимущественно с точки зрения ее исполнимости, Е.М. Тимофеев, намеренно поставив вопрос: убавятся ли в ближайшее время силы у царизма или прибавятся, давал ясный и однозначный положительный ответ. «Ко всем войскам, полиции и сыску, – замечал автор письма, – нужно будет прибавить сторонников третьей Думы, а таковые, разумеется, найдутся» [14. Л. 102]. А потому он призывал товарищей по партии «начать сражение» как можно скорее, «когда еще нет у правительства тех союзников, которые появятся впоследствии». Конечно, неонародник соглашался, что для масштабного наступления на самодержавное прави-

тельство у ПСР в наличии имелся минимум сил и резервов. Вместе с тем он прекрасно осознавал и отсутствие каких бы то ни было шансов собрать в течение двух последующих месяцев необходимое число новых сторонников [14. Л. 102–102об.].

Суть третьего пункта возражения Е.М. Тимофеева сводилась к твердому убеждению, что такие серьезные выступления как всероссийский бойкот не могли не повлечь крупных потерь и неминуемо разбили бы и дезорганизовали партию. Что же в таком случае делать? – спрашивал социалист-революционер сам себя. И тут же отвечал: конечно, мириться «с готовящейся карикатурой народного представительства» не следует, как не следует мириться ни с чем отрицательным. Должно лишь «рациональнее направить борьбу против него, – писал социалист-революционер. – Нужно устроить тот же активный бойкот, но только не выборам, а самой Думе. Нужно, как выразился мой сокамерник, стереть с лица земли третью Думу так же, как была стерта 17-го Октября Дума Булыгина» [14. Л. 102об.]. Иными словами, ослабив, насколько это возможно, во время выборов правительство террором, с открытием Думы Е.М. Тимофеев предлагал объявить всеобщую забастовку и начать солдатские и аграрные восстания: «Устроить то же самое у нас, что в августе прошлого года сделали П.П.С. (Польская партия социалистов. – Э.К.) в Варшаве, и, таким образом, не выступая против масс и пуская в ход только дисциплинированную, уже привыкшую к бою армию, показать, что стоит представительство, не поддержанное народом» [14. Л. 102об.]. Данный маневр, по мысли неонародника, мог бы иметь огромное значение, поскольку в самой Думе под давлением снизу немедленно раздались бы голоса об уступках («ибо мы знаем, что поют господа Кадеты и Октябристы, когда им наступят на хвост»), вследствие чего «работоспособная» Дума снова, по примеру прошлых, выродилась бы в «крамольную говорильню» [14. Л. 103].

Таким образом, пассивный бойкот в понимании Е.М. Тимофеева предполагал участие в парламентских выборах и последующий активный бойкот самой III Думы. Будучи уверенным в успехе своего плана (который в значительной степени гарантировался еще и тем, что массы, после того как уже имели «своих» выборщиков, увидят в Думе депутатами от себя «столь любезных сердцу помещиков и фабрикантов»), автор письма призывал отбросить все сомнения и готовиться к решительной битве, во время которой необходимо будет «пустить все силы, бить со всех своих позиций и во всех местах»: «Пусть Российское Самодержавие

получит вместо успокоения от третьей Думы удар еще сильнее Октябрьского. Пусть зальется кровью вся Россия, пусть снова издыхающая реакция разгромит десятки городов, вы же напрягайте ваши силы и бейте, бейте беспощадно все, что стоит на вашей дороге. Готовьте сейчас рабочие синдикаты, солдатские и крестьянские организации, боевые дружины – готовьте к определенному моменту и с определенной целью и, если все указанное будет выполнено – тогда увидим, что у нас будет к 1 января 1908 г.» [14. Л. 103–103об.].

В конечном итоге в Сибири среди социалистов-революционеров возобладала точка зрения «пассивного» бойкота. По свидетельству А. Шерлаимовой (письмо от 15 июля 1907 г.), в преддверии общероссийского съезда ПСР была созвана конференция «сов. обл.», которая по самому важному вопросу о III Думе (рассмотренному в первую очередь) высказалась за «пассивный бойкот» [14. Л. 97об.]. Причем представителями эсеровских организаций было принято решение не входить ни в какие сношения с «именующими себя народными партиями», во избежание недоразумений во время выборов.

Тем не менее настроения большинства членов собравшегося в июле 1907 г. III Совета ПСР склонились к полному бойкоту Думы, что выразилось в соответствующей резолюции с подробным изложением причин отказа от участия в Думе. По замечанию исследователя К.Н. Морозова, «собравшиеся на III Совете партии представители областных организаций были единодушны в принятии основных положений тактики партии, что объяснялось тем, что подавляющее большинство местных партийных работников были в общем-то едины в оценке общественно-политической ситуации в стране» [4. С. 282]. Партийный совет распорядился принять живое участие в предвыборной агитации с пропагандой идеи бойкота как выборов, так и самой Думы, категорически запретив всем членам партии выставлять свои кандидатуры. В ходе агитации рекомендовалось воздержаться от каких-либо насильственных действий, чтобы не вызвать озлобления у той части населения, которая решила участвовать в выборах. Посредством агитации и общественного давления предполагалось склонить левых уполномоченных, выборщиков, а затем и левых депутатов демонстративно прекратить свое участие в выборах и в самой Думе. Позже, 30 сентября 1907 г., на заседании ЦК ПСР было принято аналогичное решение, суть которого сводилась к извещению местных организаций, что «ни один с.-р. не имеет пра-

ва проходить в Думу. В случае слушания такие лица будут исключены из партии» [4. С. 282].

Решения III Совета ПСР, в отличие от постановлений последующих высших партийных органов, на местах рассматривались как обязательные для исполнения. Поэтому социалисты-революционеры, каких бы взглядов они ни придерживались, в целом в парламентских выборах не участвовали. Но и решительный бойкот III Думы неонародникам не удался. Вернее, удался только в том смысле, что эсеры в Думу не прошли и не имели возможности оказывать влияние на работу парламента. Какая же тактика в итоге оказалась более эффективной и конструктивной? С точки зрения последующей истории России – бойкот. Однако для становления гражданского общества с демократическими институтами, несомненно, полезнее было участие в общественно-политической жизни страны посредством работы в Государственной думе. Парламентская деятельность способствовала выработке необходимой политической гибкости, расширяла партийный опыт легальной деятельности, приобщала к демократическим институтам, формировала навыки участия в управлении страной. И в этом смысле была более конструктивной для развития как Партии социалистов-революционеров, так и России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курусканова Н.П. Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901 – февраль 1917 гг.): учеб. пособие. Омск, 2000.
2. Франкфурт С. Воспоминания о старом товарище Василии Семеновиче Панкратове // Каторга и ссылка. 1925. Кн. 6 (19).
3. Афанасьев А.Л. Военная работа эсеров в Восточной Сибири в период отступления революции 1905–1907 гг. // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982.
4. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.
5. Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск, 2008.
6. Исторический архив Омской области (ИА ОО). Ф.270. Оп. 1. Д.398.
7. Толочко А.П. Деятельность эсеров в Сибири среди солдат в период реакции (1907–1910) // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX в.). Омск, 1994.
8. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Вып. 3: Социалисты-революционеры: Учебное пособие. Новосибирск, 1996.
9. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 240.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. ДП ОО. Оп. 1907. Д. 9. Ч. 17.
11. Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.
12. ГАРФ. Ф. ДП ОО. Оп. 1907. Д. 9. Ч. 16.
13. Тимофеев Евгений Михайлович // ЦентрАзия. Статистическая информация о странах региона. Данные о политических персонах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/person2.php?&st=1108926466>, свободный (дата обращения: 15.02.2013).
14. ГАРФ. Ф. ДП ОО. Оп. 1908. Д. 9. Ч. 17.